

**ЧЕХОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

О ЧЕХОВЕ

**■ ■ СБОРНИКЪ ■ ■
ВОСПОМИНАНИЙ**

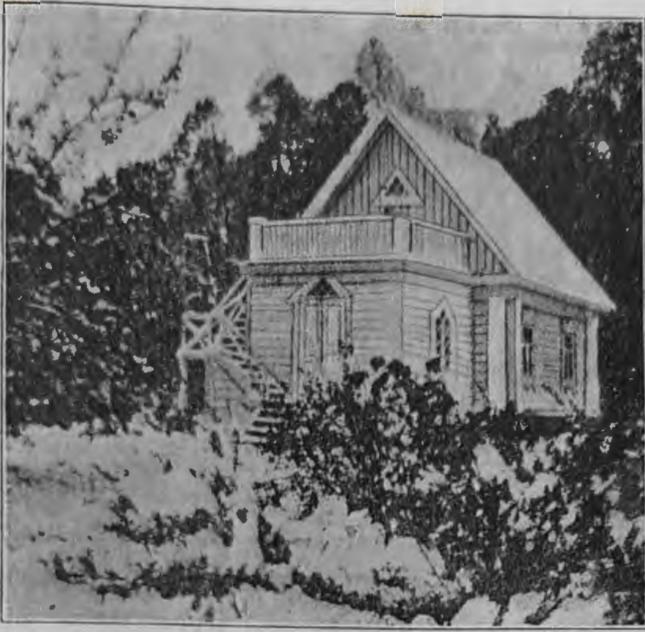
Arizona

Texas

Москва, 1910.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т-ва, № 9.

Флигель въ Мелиховѣ, въ которомъ написана „Чайка“.

У Чехова въ Мелиховѣ.

На разстояніи двухъ верстъ отъ нашего имѣнія находятся владѣнія одного изъ молодыхъ выдающихся писателей, Антона Павловича Чехова. Однажды въ воскресный послѣобѣденный часъ, закинувъ ружье за плечо я отправился навѣстить его. Прежде чѣмъ добраться до цѣли моего путешествія, надо было перейти вбродъ рѣчку, пересѣчь сосѣднее село, перебраться черезъ цѣлый океанъ жидкой грязи, черезъ поля и лѣса. Вотъ наконецъ и мѣстечко Мелихово. Мнѣ указываютъ на обширный дворъ, окруженный высокой березовой рощицей. Вхожу. Цѣлая свора собакъ преслѣдуетъ меня по пятамъ и я съ трудомъ отыскиваю домикъ, гдѣ живетъ самъ хозяинъ имѣнія. Нерѣшительной вялой походкой, сопровождаемый двумя величавыми смѣшными таксами, онъ выходитъ ко мнѣ навстрѣчу. Передо мной

высокій тонкій человекъ, лѣтъ тридцати съ длинными волосами, которые онъ откидываетъ свободными машинальными жестами съ открытаго лба. Въ его пытливомъ взглядѣ чувствуется и прямота и лукавство. Онъ держитъ себя свободно но чуть чуть холодно, зная, конечно, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и чувствуя, что я наблюдаю за нимъ. Но вотъ первая неловкость встрѣчи исчезла и мы болтаемъ о томъ, что французы знаютъ о Россіи и наоборотъ. Я упрекаю русскихъ въ легкости ихъ отношенія къ намъ. Въ самомъ дѣлѣ они признаютъ только Германію, а Франція является лишь мѣстомъ ихъ развлеченія, центромъ котораго служить, смотря по карману или «Jardin de Paris» или «Moulin Rouge». Антонъ Павловичъ, какъ и большинство его соотечественниковъ, убѣжденъ, что мы презираемъ русскихъ за ихъ варварство.

«Пойдемте собирать грибы!» вдругъ предлагаетъ онъ.

Встаемъ и направляемся къ березовой рощицѣ. Несказанно обрадовавшись и мигомъ сбросивъ свою величавость, таксы несутся впередъ.

«Вонъ тамъ, вдоль забора вамъ попадутся подосинники, а у корней деревь мы найдемъ много березовыхъ».

Наклонясь къ землѣ, старательно погруженные въ отыскиваніе маленькихъ красныхъ грибовъ, мы продолжаемъ «серіозный» разговоръ.

«Зиму вы конечно проводите здѣсь, Антонъ Павловичъ?»

— «Нѣтъ, я уѣду въ Петербургъ или въ Москву».

Возвращаясь домой я думалъ о значительной разницѣ условій жизни русскаго писателя какъ Чехова и нашего французскаго. Безъ особеннаго труда тотъ могъ приобрѣсти себѣ имѣніе въ нѣсколько сотенъ десятинъ съ полями и лѣсами. Его садъ, скотный дворъ и домашняя птица, кормятъ его какъ нельзя лучше, лѣсъ служить топливомъ и если даже неурожай помѣшаетъ ему собрать ожидаемые плоды трудовъ на нивахъ, у

него всегда есть пріютъ въ его деревенскомъ гнѣздѣ, гдѣ онъ можетъ прожить безъ особенныхъ заботъ до лучшихъ дней. Если его литературныя успѣхи продуктивны, ничто не помѣшаетъ ему провести одинъ, два сезона за границей въ обществѣ товарищей—писателей. Здѣсь его домъ, его земля, его лошади, наконецъ онъ самъ принадлежитъ нераздѣльно самому себѣ, а такъ какъ его благосостояніе не куплено на скупо скопленные гроши, то онъ и располагаетъ имъ болѣе свободно чѣмъ какой нибудь нашъ деревенскій владѣтель. Я выставляю здѣсь не только лучшія стороны подобной жизни, но и здоровое бодрое состояніе духа писателя, находящагося въ такихъ условіяхъ. Онъ не заключенъ въ узкія рамки жизни, полной заботъ и волненій, которыя частью обрѣзываютъ первобытность и оригинальность его крыльевъ. Я не думаю конечно, что подобныя условія могутъ создать талантъ изъ бездарности, но во всякомъ случаѣ они способствуютъ быстрому развитію личности.

Черезъ нѣсколько дней у меня снова явилось желаніе посѣтить Антона Павловича. Я долженъ сознаться что въ немъ есть нѣчто притягательное. На этотъ разъ его пріемъ болѣе радушенъ. Въ обращеніи сквозитъ товарищескій юморъ. Такъ какъ нѣсколько дней до моего визита я бродилъ одинъ, то общество, въ которомъ я могъ бы отдохнуть отъ всего будничнаго и каждодневнаго положительно стало необходимо мнѣ и я нахожу его здѣсь въ этой простой обстановкѣ, всю прелесть которой составляетъ та свобода, сквозящая даже въ самыхъ банальныхъ проявленіяхъ русской жизни. Однако мы продолжаемъ разговаривать...

Чеховъ перешелъ къ литературѣ отъ медицины. Онъ докторъ, но прилагаетъ свои знанія только лѣтомъ въ деревнѣ, гдѣ лѣчитъ крестьянъ. Я всегда предпочиталъ общество интеллигентныхъ врачей, но когда я встрѣчалъ среди нихъ литераторовъ, хорошихъ литераторовъ, то они быстро завоевывали мою симпатію. Практическій смыслъ и серьезность медицинскихъ наукъ оставляютъ

неизгладимый слѣдъ на умственныхъ способностяхъ человѣка. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ работаетъ надъ вопросами и задачами, которые предлагаетъ ему жизнь. Писатель, изучившій медицину, проявляетъ большую глубину и силу мысли, чѣмъ литераторъ по профессіи, такъ какъ первый чаще сталкивается съ вопросами жизни. Частое соприкосновеніе съ дѣйствительностью придаетъ его произведеніямъ много чуткости и разнообразія. Тѣ которымъ приходилось видѣть теченіе и волненія жизни сохраняютъ мягкость и терпимость въ умозаключеніяхъ. Антонъ Павловичъ принадлежитъ къ этимъ послѣднимъ. Вотъ почему его разговоръ, несмотря на нервность и непослѣдовательность, доставляетъ мнѣ удовольствіе. Къ тому же этотъ человекъ много видѣлъ въ жизни.

Разлегшись на диванѣ его кабинета послѣ веселаго семейнаго обѣда я безцѣльно брожу взглядомъ по комнатѣ. Вдоль по стѣнамъ тѣснятся шкафы, наполненные разнообразнѣйшими медицинскими и литературными трудами. Тамъ и сямъ изящныя бездѣлушки изъ бронзы и слоновой кости, вывезенныя съ Дальняго Востока. На подоконникѣ фармацевтическіе флаконы. Стѣны увѣшаны портретами, между прочимъ я узналъ Толстого. Надъ диваномъ акварельный рисунокъ, изображающій лужайку съ тремя березами подъ розовѣющимъ небомъ заходящаго солнца.

Я взялъ томикъ съ рассказами Антона Павловича. Онъ еще кажется не писалъ романовъ: его творчество проявляется въ формѣ рассказовъ. Я не думаю чтобы это было вѣрное проявленіе усовершенствованнаго таланта, но тѣмъ не менѣе въ этой области онъ занимаетъ завидное мѣсто. Обладая необычайно острой наблюдательностью и веселымъ юморомъ, Чеховъ поразительно мѣтко схватываетъ черты повседневной жизни. Онъ началъ свою литературную дѣятельность этими рассказами. Я знаю многихъ, которые видятъ въ немъ только умѣніе забавлять и читаютъ его во время послѣобѣден-

наго отдыха. Знаю даже такихъ, которые отзываются о немъ съ пренебреженіемъ, говоря что онъ не обладаетъ «знаніемъ жизни». Эти слова играютъ большую роль на литературныхъ вечерахъ въ Германіи и Россіи, однако, имѣя довольно туманный смыслъ, они придаютъ извѣстный внѣшній лоскъ сужденіямъ невѣжды. Каждый разъ когда въ моемъ присутствіи, говоря о какомъ либо литературномъ произведеніи, упоминаютъ это выраженіе, я невольно вспоминаю объ одной молодой нѣмкѣ, которая предложила мнѣ, во время большаго параднаго обѣда, изложить ей мое «знаніе жизни».

Какъ я сказалъ уже и раньше Чеховъ обладаетъ изумительной силой и мѣткостью выраженій. Несмотря на веселый смѣхъ въ его произведеніяхъ чувствуется острая горечь, что и оставляетъ далеко не жизнерадостное впечатлѣніе. Я знаю мало изъ его рассказовъ, которые не заставляютъ чувствовать убійственную монотонность жизни. Онъ не перестаетъ описывать однообразное существованіе мелкаго люда, ихъ узкіе интересы и никому неизвѣстную скорбь наболѣвшихъ сердець. Если даже немного сгустить краски его описаній, то впечатлѣніе было бы уже слишкомъ сильно, но онъ пишетъ со своимъ обычнымъ юморомъ, какъ бы бросая сразу яркій лучъ свѣта на тѣ или инныя стороны скромнаго существованія, а когда все снова погружается въ мракъ, что то говоритъ намъ, что эта жизнь будетъ опять течь по прежнему безъ миражей и обольщеній и сѣрые будни потянутся опять вплотъ до конечнаго предѣла—могилы. Вотъ что ярко чувствуется въ творествѣ Антона Павловича.

Яркимъ осеннимъ утромъ, находясь еще подъ впечатлѣніемъ этого визита, я ушелъ отъ него. Пробираясь по частому кустарнику и подстерегая утокъ на лѣсныхъ болотахъ, я думалъ о поселкѣ Мелиховѣ, о березовой рощицѣ, гдѣ мы собирали красные грибы, о садѣ съ

маленькимъ заснувшимъ прудомъ, въ который чуть-чуть качавшіяся березы роняли свои пожелтѣвшіе осенніе листья...

Jules Legras.

А. П. на прогулкѣ.